

Шэнь Шуи готов был признать: на мгновение его решимость пошатнулась.

Он слишком сильно жаждал сцены. Жаждал снова петь для тех, кто его любит. Он хотел исполнить обещание, данное своим фанатам, хотел выступать на больших подмостках, хотел, чтобы его музыку услышало как можно больше людей. Он мечтал о сольном концерте — о том дне, когда те, кто преданно ждал его все эти годы, наконец-то смогли услышать его голос вживую.

Но он понимал: все эти «хочу» осуществимы лишь в том случае, если он будет по-настоящему популярен.

Брат Сун прав. Пока певец остаётся в индустрии «невидимкой», истории с отменой контрактов в последний момент, подобные сегодняшней, будут повторяться бесконечно. За последние годы он проходил через это слишком часто.

Шуи взял с края дивана декоративную подушку и крепко прижал её к себе.

— Брат Сун, я хочу, чтобы шум вокруг этой истории утих сам собой.

Если он уже не раз переживал внезапные отказы, то сможет пережить их снова. Конечно, он до смерти боялся ещё раз обмануть ожидания поклонников, но если сегодня он воспользуется славой Гу Чи, став той самой змеей из притчи о пахаре, не разочарует ли это фанатов ещё сильнее?

Они видят в нём кумира, пример для подражания, потому что находят в нём нечто достойное уважения. Шэнь Шуи не хотел, чтобы его люди ошиблись в своём выборе. Он хотел быть тем, кого действительно стоит любить.

Он сильнее сжал подушку и заговорил тихо, но с искренней убеждённостию:

— Разве Юй-гун не передвинул горы? Вдруг и у нас получится? Я буду работать ещё усерднее. На каждой съёмке, на каждом проекте я буду предлагать себя, выгрызать любую возможность выступить. Брат Сун, капля камень точит. Давай попробуем ещё раз, хорошо?

Произнося это, юноша и сам чувствовал, как не хватает веса его словам. Разве за все эти годы менеджер не пытался вместе с ним снова и снова? Предложений стало чуть больше, чем раньше, но большинство из них не приносило никакого результата. Крупные площадки его игнорировали, а если даже рейтинговые шоу приглашали его, то при финальном монтаже экранное время безжалостно сокращали до нескольких секунд.

И всё же он не мог сдаться. Он знал, что уже не мальчик, но страсть к музыке никуда не

исчезла, как и способность творить. А значит — шанс всё ещё есть!

Сун Ли откинулся на спинку дивана и, задрвав голову к потолку, тяжело вздохнул:

— Ох, Шуи, Шуи...

Шэнь Шуи знал: в этом вздохе и двукратном упоминании его имени скрывалось согласие. Он чувствовал бессилие и внутреннее сопротивление менеджера. Это было не одобрение, а капитуляция перед его упрямством.

— Прости, брат Сун, — виновато произнёс он.

В следующую секунду его макушку накрыла тяжёлая ладонь. Артист поднял взгляд. Сун Ли с силой взъерошил его волосы, окончательно испортив причёску.

— За что ты извиняешься? Я же не первый день тебя знаю. Честно говоря, во мне сейчас борются два человека. Как твой менеджер, я обязан выжимать максимум выгоды. Я должен был убеждать тебя до последнего, а если бы не вышло — забрать телефон, вышвырнуть тебя из аккаунта и самому опубликовать пост, чтобы хайпануть на этом трафике, пока он не остыл. Но я знаю: сделай я так, ты бы места себе не находил от тоски. Знаешь, Шуи... я ведь всегда тобой восхищался. Тем, как ты упрямо хранишь верность самому себе.

В этом бизнесе нет человека, который не мечтал бы о славе. Шуи был исключением. Он действительно никогда не гнался за популярностью как таковой. С самого начала и до сегодняшнего дня он просто фанатично занимался музыкой. Его единственной целью было создавать качественные вещи, которые люди захотят слушать и любить. Сольный концерт был его мечтой на протяжении многих лет — мечтой, которая не поблекла и не пошатнулась.

Проведя в этой индустрии столько времени, он умудрился не заразиться её суетностью, расчётливостью и лицемерием. Кто-то назвал бы это наивностью, кто-то — фатальной оторванностью от реальности.

— В конце концов, мы как-то прожили все эти годы без накруток и грязного пиара. Работа потихоньку капает, с голоду не померли, верно? Ладно! Чёрт с тобой, я в деле! Если не выйдет в этот раз — попробуем ещё десять!

У Шэнь Шуи повлажнели глаза. Он отбросил подушку и крепко обнял Сун Ли:

— Спасибо, брат!

Сун Ли похлопал его по плечу:

— Раз уж называешь меня братом, забудь про «спасибо».

— Значит, решено? — продолжил менеджер. — Не отвечаем, сидим тихо и ждём, пока буря уляжется? И плевать нам, что «линейки» тебя полощут на все лады? Плевать, что фанаты Цзян Юя снова достали свои старые сказки о том, как ты травил их «братика»? И что пользователи называют тебя интриганом и «чайным мастером» — мы просто зажмём нос и будем терпеть эти помои?

Шэнь Шуи беспомощно позвал:

— ...Брат.

Сун Ли покосился на него:

— Ну а как? Ты же сам решил не трогать хайп Гу Чи и молчать. Это и значит — зажать нос и глотать всё, что в тебя летит. Я в чём-то не прав?

Шуи промолчал.

Он понимал, что Сун Ли просто выпускает пар и в глубине души всё ещё надеется на какой-то ответный ход. Он не стал спорить, послушно принимая на себя это ворчание. Высказав пару колкостей, менеджер немного остыл.

Свой артист — как свой ребёнок, сердце всё равно за него болит. Хоть Сун Ли и был всего на несколько лет старше Шуи, он считал: назвался братом — будь им до конца.

Поглаживая пустой живот, Сун Ли скомандовал:

— Я проголодался. Сегодня ты у плиты, приготовь мне что-нибудь по-настоящему вкусное.

— ...Брат, ты же только что говорил, что мы просто закажем еду? — напомнил Шэнь Шуи.

— Я передумал! Сегодня мне до смерти захотелось твоей утки в пиве. Хочу утку! И хочу сегодня напиться в хлам! А завтра проснусь — и снова в бой! Возражения не принимаются!

Шуи покачал головой:

— Конечно, нет. Я приготовлю всё, что захочешь. Проблема только в том, что в доме нет целой утки. Нужно идти покупать, а в такой час рынки и супермаркеты уже закрыты. Давай так: если хочешь, скажи мне за день, я куплю всё с утра и приготовлю. Договорились?

Сун Ли махнул рукой:

— Ладно, забудь. Это я так, под горячую руку. Давай всё-таки доставку. Раз съёмки отменились и в ближайшее время планов нет, поедим раков и немного выпьем. Ты ведь не против?

Шэнь Шуи всегда очень берег голос. Перед любой работой, даже если не нужно было петь на сцене, он за несколько дней, а то и за неделю, полностью исключал из рациона острое, чтобы связки были в идеальном состоянии.

Чтобы подготовиться к этому музыкальному шоу, Шуи целый месяц сидел на строгой диете: ни острого, ни жирного. Каждое утро он вставал в шесть, в половине седьмого уже был на пробежке, занимался спортом, делал вокальные упражнения — он выкладывался на полную, чтобы предстать перед зрителями в своей лучшей форме.

Раз уж шоу сорвалось, а новых предложений пока нет, можно было наконец расслабиться. А где раки, там и пиво.

Они заказали огромный поднос острых раков и упаковку пива. Когда курьер доставил заказ, они не пошли в столовую, а расставили всё прямо на журнальном столике в гостиной и принялись за еду. Раки и ледяное пиво — сочетание, созданное на небесах.

Меньше чем за час поднос почти опустел. Сун Ли, не снимая одноразовых перчаток, небрежно бросил, словно между делом:

— Слушай, Шуи, может, проведём сегодня стрим? Раз уж с шоу не вышло... Давай просто споём пару песен для фанатов, в качестве компенсации, а?

Шэнь Шуи очистил рака, положил его в тарелку собеседника и покачал головой:

— Я сегодня не в том состоянии. К тому же, стрим не был запланирован. Наше с Гу Чи имя всё ещё висит в топах, лучше дождаться, пока всё утихнет.

Сейчас любое его действие в сети будет расценено как попытка примазаться к чужой славе. Сун Ли мгновенно сник — ладно пост, так он даже стрим провести не даёт! Сколько там людей в этом стриме? Пара тысяч в прыжке, какую бурю они могут поднять?

Впрочем... если в деле замешан Гу Чи, тут уж никогда не угадаешь.

Все хитрые планы менеджера разбились о мягкую, но непреклонную оборону Шуи.

— Ладно... твоя взяла! — буркнул Сун Ли и сделал внушительный глоток пива.

Юноша поднялся со своего места. Сун Ли вскинул голову:

— Эй, ты куда?

— Я сейчас, загляну в комнату.

Шуи вернулся через минуту, неся в руках гитару. Он уселся на пол, скрестив ноги, и привычным движением прижал инструмент к себе. Его пальцы пробежались по струнам, проверяя строй. Он поднял голову; на щеках из-за лёгкого хмеля проступил нежный румянец, а взгляд был кристально чистым.

— Брат, хочешь, я спою для тебя? — искренне спросил он.

Раз нельзя выйти в эфир и спеть для фанатов — не беда. Спеть для друга — ничуть не хуже.

«Этот невозможный ребёнок... — Сун Ли вдруг почувствовал, как к горлу подкатывает ком. — Он ведь и правда просто любит музыку»

Чёрт возьми. Раки сегодня были чертовски острыми! Аж глаза режет.

Он схватил стакан с пивом, делая вид, что увлечён напитком, лишь бы скрыть предательски заблестевшие глаза.

— Пой! Что бы ты ни спел, я буду слушать!

Чтобы полностью погрузиться в музыку, Сун Ли, который обычно не выпускал телефон из рук, даже перевёл его в беззвучный режим.

Шэнь Шуи обнял гитару, кончики его пальцев уверенно заскользили по струнам. По комнате разлилась плавная, успокаивающая мелодия. Он поднял глаза и улыбнулся менеджеру. Тот приподнял свой стакан в безмолвном тосте.

Певец прищурился. Алкоголь ничуть не испортил его исполнение, напротив, добавил голосу особый оттенок — свежий, как бокал мохито, и мягкий, как вечерние сумерки.

— Я напеваю мотив знакомый,

Струны ласкаю, песню слагаю,

Пою для тебя, мой верный друг Сун Ли...

Текст рождался на ходу. Сун Ли невольно рассмеялся и подыграл ему:

— Услышал! Очень красиво, продолжай!

Мелодия была действительно хороша, она цепляла с первых нот. Шэнь Шуи мягко улыбнулся и продолжил:

— Порой я пишу о сокровенном,

Как ветер играет в моих волосах,

Как шелест листвы замирает в ветвях...

А лунный свет нежно подпевает мне.

Свет люстры падал на артиста, создавая вокруг него мягкое сияние. Эта сцена была пропитана какой-то неземной гармонией. Сун Ли не выдержал и достал телефон. На экране всплыло уведомление из Weibo, но он, не глядя, смахнул его. Сейчас не было ничего важнее этой песни.

Слегка захмелевший менеджер навёл камеру на Шуи, начиная запись. Шэнь Шуи продолжал напевать, но, заметив объектив, вопросительно приподнял бровь.

— Ты пой, пой, я не буду это выкладывать, — успокоил его Сун Ли заплетающимся голосом. — Это для нас. Оставим на память.

Шуи кивнул и, отведя взгляд, запел дальше. Сун Ли прищурился:

— Я раньше не слышал этой песни. Снова что-то новое сочинил?

Тот качнул головой, не переставая перебирать струны:

— Просто вдохновение нахлынуло. Решил попробовать подобрать мелодию. Пока есть только наброски, на полноценную песню это не тянет.

О таланте Шуи менеджер знал лучше всех, поэтому не удивился, что мелодия родилась только что. Но на душе было горько. Чёрт возьми, такой одарённый и искренний парень — и до сих пор не звезда!

Поймав волну, Шэнь Шуи пел дальше:

— Я пою свою песню...

Для кого же она звучит?

Мои пальцы в забвении касаются струн.

В своих грёзах я вижу огромный зал,

Где свет сотен ламп ослепляет глаза...

Я протяну микрофон в темноту,

И тысячи голосов в унисон подхватят мой мотив...

Шэнь Шуи прикрыл глаза. В своём воображении он стоял посреди огромного стадиона, вмещающего десятки тысяч зрителей. Стоило ему направить микрофон к трибунам, и море людей взрывалось ответным хором.

Пиво огнём жгло горло, и Сун Ли снова жадно приложился к стакану.

«Господи, Боже мой... Ну хоть разок открой глаза, посмотри на этого дурака, который живёт одной музыкой! Дай ему взлететь, дай ему ту самую сцену. Клянусь, если у этого парня будет хоть один шанс, ни один слушатель в зале не уйдёт разочарованным!»

***

Ими: Шуи! Шуи! Шуи!!!!

—

Гу Чи: Учитель Шэнь, в будущем, пожалуйста, пой только для меня.

<http://bllate.org/book/15823/1428138>